

НАША СТРАНА

Год издания 72-й. Буэнос Айрес, 22 февраля 2020 “NUESTRO PAIS” Buenos Aires, 22 de febrero de 2020 No 3120

ПРАВДА О ЦАРЕ НЕОБХОДИМА ДЛЯ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ РОССИИ

К 103 ГОДОВЩИНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Для иных он виновник Февраля. Но Император Николай Второй оказался на вершине вулкана перед извержением. И изменить ход событий он не мог. Он явил пример, как себя вести и каким быть правителем, причём правителем абсолютно благочестивым.

Царь был последним настоящим христианином среди пантеона европейских правителей. И с его уходом ушло великое чудо, которое называлось Российской Империя.

Она была христианская, собственно говоря это было Государство-Церковь. Степень воцерковленности была очень высокая, почти что у всех. И завершал это здание Император Николай Второй.

При нём Россия бурно развивалась. Ежегодный прирост накануне Первой Мировой войны был 12-15%, в ведущих отраслях до 20%. Это было русское экономическое чудо, заслуга в котором принадлежит Царю Николаю Второму.

Сегодня, по прошествии 103 лет после Февральской революции, встаёт вопрос: что потеряла Россия, чем значима для русских эта дата? Почему нам необходим образ Царя Николая Второго, очищенный от клеветы февралистов и коммунистов?

А потому, что он сейчас нужнее русским, чем когда бы то ни было, ибо речь идет о существовании России, которое без самоидентификации невозможно. И самоидентификация, самоопределение, самопознание может пройти только через ту Россию, которая была растоптана, оболгана и исчезла в 1917 году.

Поэтому фигура Царя-Мученика, и всей Царской Семьи важна для русских. Их прославил Сам Господь, - и всё же остаются люди вне Церкви, которые не понимают всю эту духовную благодать.

Но тема об истинном облике Государя Николая Александровича возникает снова и снова, и будет возникать всегда. Скончавшийся в 2019 году историк Александр Боханов, выступая в разных аудиториях говорил: “Никого не читайте, смотрите на их портреты, смотрите на их лица, смотрите на их живые глаза, и вы все поймете, и правда сердца победит. И не надо ничего читать, не надо никому верить, потому что их портреты, достаточно сильны и красноречивы”.

Поначалу этот учёный придерживался официальной линии советской историографии. Однако когда снимали фильм по истории кинематографической хроники, Боханов взяли в консультанты. Он просмотрел всю существующую кино-хронику, где фигурирует Государь и Царская Семья. Хроника была официозная, да еще и уличная, нечувствительная. Боханов просмотрел 23 часа записей и изменился. Стал поклонником

Государя. А он тогда многого не знал, ведь ещё Советский Союз был на дворе, сего чудовищной цензурой...

Вот какова совершенно потрясающая сила воздействия этих обликов. Боханов рассказывал, что знал людей, которые совершенно скептически относились ко всему, но когда они подходили к царским материалам, к документам Царя, в архив даже вызывали священников, окропляли святой водой. Все хранители фонда, где лежат эти мемориальные бумаги, по свидетельству Боханова, изменялись. Их сила была колоссальная.

То, что русскую тысячелетнюю историю увенчал такой благочестивый Царь, каким являлся император Николай Второй, это конечно великий дар Божий.



Однако Государь принадлежит к числу одних из самых оболганных персонажей русской истории. Такое количество грязи и инсинуации, которые выбрасывались и выбрасываются до сих пор по адресу убиенных Царя и Царицы, не знает аналогов. Причем Боханов это интерпретировал, как нормальное явление: тьма бесится.

Вытаскивают, как правило, набор очень скудных аргументов. Ходынский события 1896 года во время коронации, “Кровавое Воскресение”, Распутин, и ещё иногда Первую Мировую войну. Не очень-то богатый ассортимент.

И вот вокруг этих тезисов всё время крутятся контраргументы, которые пытаются принизить и доказать, что вот, он был не такой, каким должен был якобы быть.

Но если говорить о “Кровавом Воскресении”, то это была великая провокация. Государь не имел к этому никакого отношения, его вообще в Петербурге не было. Количество жертв, если открыть любую энциклопедию, измеряется тысячами, и даже тысячами. Но у войск на вооружении были винтовки Мосина, а потому, чтобы

убить две тысячи, это должна была быть военная операция огромного масштаба. А по словам Боханова там реально погибло от ран и от давки 93 человека.

Государь-то – он не мог отвечать за всё. Местные власти в Петербурге проявили свою нерасторопность, доверились попу-провокатору Гапону, за которым стояли совершенно определённые террористические группы. Они финансировались, прямо или косвенно, из заграничных источников, были целые финансовые корпорации, которые финансировали, вкладывали огромные суммы в это. Как отмечал Боханов, банкир Шиф из Нью-Йорка выделил 20 миллионов долларов на борьбу с царским правительством. На сегодняшние

нравственный характер. Это была христианская империя, и её нужно было свалить.

Говорят, а почему народ не встал на защиту? У народа не было реальных рычагов, способных удержать помазанника Божия. Но почитание Царя в народной среде началось ещё при его жизни, хотя об этом никто не говорит. А уже потом, в советское время, даже за фотографию или картинку Царя можно было получить тюремный срок. Нельзя даже было принимать альбомы в букинистический магазин, если там портрет Царя. Вырывайте – тогда сдавайте....

Очень популярный тезис февралистов и коммунистов это, что Россия была тюрьмой народов. Его пропагандисты утверждают, что английская империя не была тюрьмой, американская империя тоже не была, а вот российская была. Налицо фальсификация.

Потому что это было сообщество народов, объединенных в рамках одного дома удивительным явлением, которое называлось Российской Империя. Никакого притеснения по этническому и религиозному принципу не было. Были ограничения, касающиеся исключительно лиц иудейского вероисповедания. Евреи, принявшие лютеранство или православие, имели точно такие же права, как и все остальные граждане.

Причем уже при Царе Николае Втором эти ограничения были все уже практически сняты. Надо уточнить, что в России гражданство и национальность определялись по конфессии. Не было этнического учета, в нынешнем понимании этого слова, потому что состав крови в духовном значении никакую роль не играл. Не было расизма.

Россия была на экономическом подъеме, который отражался и на уровне жизни. Рождаемость в России была самой высокой в Европе, резко сокращалась смертность.

Историк Боханов рассказывал следующее: “В своё время одной баронессе, в Ленинграде, я – тогда молодой ещё – сказал: «Вы там всё имели до революции?», а она отвечает: «Вы знаете, молодой человек, все приличные люди до революции что-то имели».

И действительно, трудолюбивые и честные люди имели. Квалифицированный рабочий получал в Петербурге, на сегодняшние деньги, примерно 4 тысячи долларов. Были, конечно, и ниже ставки. Но надо ещё сказать, что в России было очень дешёвое продовольствие.

Если говорить о конкретных цифрах, то чернорабочий получал 130 копеек в день. А бутылка водки стоила 17 к., курица стоила 40 к., фунт масла стоил 50 к. Квартира хорошая, с удобствами стоила в год аренды 300 рублей.

деньги это сотни миллионов, и это деньги лишь одного Шифа.

Конечно, события 9 января 1905 года были несчастьем, трагедией. Государь тяжело это переживал, всем потом оказывал материальную помощь, заказывал панихиды. То есть он реагировал на бедствие как христианин. Но эхо было сильнее события. Оно получило огромную мировую огласку, западные агентства писали, расписывали, рисовали облитых кровью детей на руках у матерей, чего на самом-то деле не было.

Это обычный закон фальсификации: мы пустим слухок, а вы доказывайте, опровергайте; сплетня ведь хороша тем, что она не требует аргументов. Запустили дезинформацию, а вы доказывайте, вы опровергайте. Так и было с историей 9-го января. Та же самая дезинформация, резонанс и эффект.

И, в конце концов, действительно, государство рухнуло. Не потому, что Россия плохо развивалась экономически, ибо она, напротив, развивалась блестяще.

Экономических причин для революции совершенно не было.

Причины носили духовно-

А если человек всё пропил, если у него ничего нет, то на каждом углу в Москве было более тысячи благотворительных обществ. И каждое второе кормило и поило.

Это была совершенно другая страна. По советским книжкам и фильмам одно, но на самом деле было совершенно другое.

За 20 лет население выросло на 40%. Общая численность населения к 1917-му году была порядка 170 миллионов. По прогнозам американских и французских экономистов, через 20-30 лет Россия могла стать сильнейшей державой в мире. И они сего страшно боялись.

В 1914 году журнал «National Geographic» посвятил целый номер России. И там прямо написано, что авторы были потрясены. Американцы всё проехали, всё изучали: и жизнь, и уклад, и экономику, – и были ошеломлены. Они сделали вывод, что это страна неограниченных возможностей.

Царская система создала максимально возможную степень для экономического роста. Частная инициатива прекрасно развивалась. Возникло огромное количество компаний, причем в них были все: и татары, и евреи, и поляки, и

кто угодно, бизнес сравнивал всех, они все заседали в Петербурге, имели чины и звания, имели виллы.

Россия стала выходить на мировой рынок, начались инвестиции и уже возникали перед Первой Мировой корпорации за границей, в которых принимал участие русский капитал.

И вот в 17-ом году во время войны, когда у западных стран была нехватка еды, Россия была единственной страной, где не ввели карточек, – только на сахар. Все остальные продукты, а война шла три года, были доступны. Повсеместно карточки стало вводить Временное Правительство.

Что касается отречения Государя, здесь есть юридические, моральные, психологические и социальные аспекты. Русское законодательство не предусматривало возможность отречения Императора от власти. Но люди, которые претендовали на преемственность, как раз говорили, что нужно отречься. Законодательство исключало возможность отречения Государя от власти, – так что с юридической точки зрения, с позиции основных законов Российской Империи это отречение было незаконным.

Есть некий текст, подписанный

Государем, и там написано: «Начальнику штаба...» Слова «манифест» там не существует, так как для того, чтобы манифест появился, должен быть этот документ кассирован Сенатом. И быть изданным от имени Сената. Но Сената уже не было.

Государь видит, что правительства нет, государства нет, единственный орган – это армия. И, слушая как все вокруг уже двое суток взывали, кричали, умоляли, стонали, «отрекись во имя России», он отдал власть. Он отдал власть, но при этом не изменил форму правления. Земский Собор призвал Романовых на царство, и только Земский Собор мог изменить форму правления.

А дальше события приняли удивительный, трагический оборот. 1 сентября 1917 года Керенский и компания провозгласили Россию республикой, хотя не имели права этого делать, а когда пришли большевики, то они вообще фактом своего прихода отменили это.

По мнению историка Боханова подписанный Государем текст это не манифест об отречении, а декларация о сложении с себя императорских полномочий.

Но он оставался миропомазанным

Царём – это никакими актами не отменить. И сие миропомазание никак не упразднилось. Поэтому убивали в Екатеринбурге Царя, а не бывшего Царя. И формально юридически монархия в России не отменена, потому что не было национального форума, который бы имел право принимать решение от лица страны. Надежда была на Учредительное Собрание, но его разогнали.

И поэтому – считал Боханов – вопрос с формальной точки зрения решается просто: Россия де юре остается монархией, до сего дня не упразднённой законным путем. Царь снял свои полномочия потому что был абсолютно изолирован. Ему сообщали, что есть беспорядки в Петербурге, что они охватили якобы огромную массу людей и неизбежно будут кровопролития.

А он больше всего боялся братоубийства, не боялся за свою жизнь, даже не за жизнь семьи. И когда ему сказали, что если не отойдёт, то будет братоубийство, он подписал этот текст. Только, чтобы брат не шёл на брата.

Из любви к русскому народу.

О. Бартнев

СОЛОНЕВИЧ КАК ПРОВИДЕЦ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

На святках перечитал «За чертополохом» П. Н. Краснова. Вот! Вот к чему должно было бы в случае успеха привести «Народно-Монархическое Движение».

Вот по какому единственно-возможному пути должна была пойти Россия после падения СССР. Не сложилось, увы...

Когда-то давным-давно, по моей просьбе, Вы прислали мне книгу И. Л. Солоневича «Народная Монархия». В письме Вы написали мне: «Прилагаю «Народную Монархию» (простите, что без обложки, зато — это первое издание). «Диктатуру слоя» было решено выпускать отдельной книгой, исключить из «Народной Монархии». Любопытно, что эти книги мне передала вдо-ва Степана Дмитриевича Болтовского, родом из Ростова, учившегося там вместе с Солженицыным, сына профессора Ростовского университета, выведенного в «Круге первом» под именем «Горяинова-Шаховского». Итак его книги летят в его родной Ростов...»

Стехпорпрошло немало времени... Я переплёл присланные труды, соединив их. Не один раз я пытался приступить к этой книге, начинал чтение, но – через какое-

то количество прочитанного материала, откладывал. Пытался даже читать выборочно. Нет, что-то у меня не получалось! Много было знакомого, непривычного, не укладывающегося в известные схемы; кое-что даже вызывало отторжение – видимо сказывалось образование, полученное в стенах юридического факультета упомянутого университета (кстати, расположенного в том же здании, где учился и Солженицын!).

Недавно я вновь взял в руки присланную Вами «Народную Монархию» и... прочёл её практически на едином дыхании, как говорится – проглотил!

Возраст, жизненный опыт и новые знания, полученные за прошедшие пару десятков лет Наверное позволили мне разобраться, понять и полностью принять эту (написанную, как оказалось, просто, доходчиво, образно-вполне корректно) книгу!

И удивиться, а вернее – поразиться, насколько точно удалось Ивану Лукьяновичу Солоневичу предвидеть около 70 лет назад, то что происходит сейчас с нами и нашей страной, и будет видимо ещё происходить...

М. Ю. Абрамов

СЕРБЫ И ТРАДИЦИЯ

На сайте «Телевизия Храм» Сербской Православной Церкви показано прославление Рождества Христова детьми сербского народа. Приятно от детей слушать о Заповедях Господних, о почитании родителей, долге, помощи нуждающимся... и заметить продолжение сербских вековых национальных традиций.

Видны там и подростки, и всё это на любимом языке! Сербский язык я хорошо знала, так как родилась в Югославии. Сербы – православные славяне как и мы, только что они южные, а мы восточные.

Думаю что с таким усердием каковым мы видим у старших, вряд ли кто либо из детей бросит идеалы и святыни своего народа – свои корни, и семья их полностью потеряет.

Г. Н. А.

РУСОФОБИЯ УКРАИНИЗМА

К сожалению, «недобитая» ещё в самом зародыше в 1914-м, а затем в 1917–1920 годов так называемая «Украинская идея» – всё же умудрилась прорасти сквозь тело Советского Союза. Пусть советские политики и не могли себе представить «Суверенную Украину», но «Незалежная» всё таки появилась на политических картах мира в 1991 году. Точнее – воскресла из небытия истории... Истории, написанной рукой историка-фантаста Михаила Грушевского под диктовку Австрийского Генерального Штаба.

Сейчас-то мы отчетливо видим «всю суть украинизма и украинской национальной идеи». Сейчас-то мы хорошенько рассмотрели цели и задачи Украины в глазах её «западных хозяев», как политического, экономического и военного буфера между Европой и Россией. Но куда мы смотрели раньше?.. Ответ на этот вопрос был 70 лет стёрт с нашей памяти советской цензурой и жёсткой идеологической политикой СССР.

А вот во времена Российской Империи, где якобы была «жёсткая и жестокая цензура» – в Киеве, в самом центре Малороссии совершенно спокойно выходил ежемесячный журнал «Українська Хата», который издавался за Австро-Германские деньги, и в котором печатались все до единого «украинские диссиденты». И уже тогда, в далеком ныне 1912 году – «украинская национальная идея» была сформулирована с феноменальной точностью! С точностью, которая и спустя 100 лет не утратила свою актуальность... «Если у нас идет речь об Украине, то мы должны оперировать одним словом – ненависть к её врагам... Возрождение Украины – синоним ненависти к своей жене московке, к своим детям кацапчаткам, к своим братьям и сестрам кацапам, к своим отцу и матери кацапам. Любить Украину значит пожертвовать своей кацапской родней». Из шестого номера издания: «Українська Хата» (журнал), коллектив авторов, г. Киев, Российская Империя, 1912 год.

НОВАЯ КНИГА ЯНЫ СЕДОВОЙ



Сотрудничавшая в «Нашей Стране» в 2007–2010 годах историк Яна Анатольевна Седова выпустила новый труд: «Октябрьский режим» – обзор законопроектов и запросов, рассмотренных Государственной Думой Российской Империи, 1906–1911 гг..

Доцент Астраханского Государственного Технического Университета, она является также автором вышедшей в 2006 году работы «Великий маэстр революции» и ряда монографий в различных сборниках. Обе её книги были опубликованы в издательстве «Алгоритм». Редакция «Нашей Страны» поздравляет Яну Анатольевну и желает ей дальнейших успехов в своей научной карьере, на пользу Веры, Царя и Отечества.

Контр-Адмирал К. П. Иванов-Тринадцатый

Воспоминания «РЮРИКЪ»

5

Объявление войны и первый поход - 2

Погода постепенно портилась, несущиеся серые облака белеющие верхушки волн, и так же и барометр, не предвещали ничего хорошего. Наконец, в неясном горизонте начали обрисовываться очертания японского берега. Справа показался дымок какого-то идущего судна. Крейсера прибавил ход и скоро выяснился силуэт небольшого японского пароходика, идущего в Сангарский пролив. Перерезав путь, Адмирал сигналом приказал ему остановиться, спустить шлюпку и капитану прибыть с документами.

Пароход исполнил требование, но спустить шлюпку была задача для него очень тяжёлая по состоянию погоды, всё продолжающей портиться и свежеть. В бинокль было ясно видно, как японцы старались спустить не большую, кажется чуть ли не единственную, шлюпку с подветренного борта, его валяло с борта на борт, одни из талей лопнули и люди полетели за борт, найдя там свою могилу. Адмирал, видимо, не хотел долго задерживаться и послал в него пару б" снарядов, после второго снаряда пароход быстро стал крениться и через несколько минут пошёл ко дну, а крейсера, выправив строй, пошли за Адмиралом, повернувшем на обратный курс в море.

И так война началась! Многим первый раз в жизни привелось видеть гибель судна на их же глазах. Я нарочно остановился на описании этого мало значущего похода, чтобы поделиться тем впечатлением, которое оставила эта первая удача против неприятеля на нас, ещё не вкусивших сладости боевого разрушения и уничтожения себе подобных. Вместо радости, удовлетворения в нанесении врагу ущерба, какое-то подавление, тяжёлое настроение овладело почти всеми нами, чувствовалось раскаяние и стыд за содеянное, как будто вас заставили убить и уничтожить малого ребёнка, не могущего поднять руки в свою защиту. Между тем, погода всё свежела и свежела. Наступала ночная темнота, мороз усилился до 12°R и все признаки приближающегося тайфуна были налицо.

Я в кратких словах остановлюсь на рассказе об этом обратном возвращении во Владивосток., так как за 50 лет своих плаваний в море, мне ни разу не привелось перенести столь ужасной непогоды.

Крейсера, в порядке своих номеров, настроившись в строй лёгкого пеленга влево для большего удобства наблюдения друг за другом и для облегчения сохранения строя, легли на обратный курс к Владивостоку. "Богатырь" был отпущен ещё раньше Адмиралом, как только погода начала свежеть.

Тайфун был в лоб и немного на правую раковину; расхолодившиеся волны сбивали с курса, пришлось прибавить ход, доведя до полного эскадренного в 17 узлов, но и это позволяло нам продвигаться вперёд со скоростью одной мили в час. Корпуса крейсеров буквально закапывались в воду, принимая валы полубаками; передвигаться по верхней и жилым палубам

было возможно лишь при помощи растянутых штормовых лееров, опутавших палубы, как паутиной.

Спускаясь с мостика приходилось выжидать момента и делать дальнейшие передвижения перебежками, чтобы избежать холодной ванны по пояс от беспрестанно вкатывающейся на верхнюю палубу воды. Брызги, заливающие трубы и рангоут, разбегаясь по снастям, сильно фосфоресцируя, останавливались на концах лёгких реев вроде огней Св. Эльмы.

Особо тяжёлой была наступившая ночь. Плохо задранные люки пропускали воду через резиновые прокладки и в этих частях корабля была слякоть, увеличиваемая ещё приносимой сверху на себе водой, сменяющихся с вахты людей. Мне привелось стоять в эту ночь *собаку* (с 12 часов ночи до 4 часов утра) совместно с мичманом ба-роном Шиллингом, бывшим в моей смене вахтенным офицером.

Благодаря его силе, быть может, мне только и удалось уцелеть в эту вахту: большой вол-ной, частью вкатившей на мостик я был смыт с ног поскользнувшись на обледенелой палубе и катился с водой к краю мостика, где свободно бы мог своей тяжестью пробить парусиновый обвес и вылететь за борт, если бы сильная рука моего помощника не успела зацепиться за поднятый воротник пальто и, выждав переходный момент, не поставила бы меня на ноги.

Но не так счастливо обошлось на "Громобое". Водонепроницаемые двери, выходящие из командирского помещения на кормовой наружный балкон пропускали воду, в силу чего для задрайки их пришлось с верхней палубы послать человека. Конечно были приняты все надлежащие меры предосторожности, при работах присутствовал старший офицер и старший боцман; для исполнения выбран был ловкий марсовой — Михайловский —, его по штату обязали концом в 2½ дюйма и спустили для работы на балкон. Сильным килевым размахом "Громобой" сел кормой в воду, хлынувшей на балкон, волной Михайловский был подхвачен и сила удара была такова, что конец 2½ дюймового троса перервало, как тоненькую нитку, а Михайловский нашёл смерть в бушующей пучине.

Конечно, мыслить о подаче ему помощи в такую погоду было нечего и думать. С "Громобоя" был сделан сигнал клотиковой лампочкой, это было около 2-х часов ночи; на следующий день, при начавшей стихать погоде, на крейсерах отслужили панихиду по первой жертве личного состава отряда. Тайфун стал стихать и мы подошли к Владивостоку через три дня после выхода из него, сделав 360 миль плавания. Каждый стремился скорее попасть в порт отдохнуть от полученной трёпки, отогреться и привести себя в порядок.

По возвращении во Владивосток, здоровье Адмирала ухудшилось, растревоженное ещё и полученной трепкой во время тайфуна. Медицинские власти настоятельно давали на Адмирала, чтобы тот покинул отряд и занялся лечением, которое может при запоздании уже не оказать помощи и в силу полученного разрешения от Наместника, сдал окончательно отряд капитану I-го ранга Рейценштейну,

наш любимый Адмирал решил покинуть свой отряд и уехать в Санкт-Петербург. На вокзале, куда он был перенесён с крейсера для помещения в купэ отходящего в Россию поезда, собрались все могущие его проводить, каждый стремился пожать руку этого честного человека и протискивался в купэ, где творилось настоящее столпотворение. Добрые пожелания растроганного до слёз Адмирала были наградой за нашу любовь к нему.

Началась довольно долгая стоянка во Владивостоке. На "Рюрике" пришлось произвести массу добавочных работ, чтобы скрасить несколько те разрушения, которые были причинены уничтожением дерева. Парусиной были затянуты разрушенные переборки, что дало вновь возможным обрести свой уголок для отдыха и иметь каюту; общими силами были сделаны кое-какие перестановки, повешены парусиновые обвесы вместо былых плюшевых портьер и в общем удалось создать кое-какой уют взамен былой роскоши.

Были проведены разные мероприятия, вынесенные из опыта первого нашего зимнего выхода. Итак, например, было установлено, что обмерзание жерл орудий не давало возможности в случае тревоги быстро открыть дульные пробки у орудий, стрелять же с не вынутой пробкой представляло опасность для самих пушек и кроме того в некоторых орудиях, в которые проникло через пробки вода, она замерзала, образовав в каналах ледяную коросту.

Были выработаны особого типа небольшие чехольчики из парусины, одеваемые на дула пушек довольно плотно и смоченные водой, они прочно сидели на своих местах не срывающиеся ветром, а парусина служила хорошим предохранителем от попадания воды в каналы; на случай же проникновения и замерзания таковой в каналах для каждой пушки имелась выточенная деревянная болванка, вставляемая с казенной части пушки и под неё для первого выстрела имелся холостой патрон с уменьшенным зарядом.

При выходе в море в мороз, дульные пробки снимались, одевались на пушки парусиновые чехольчики, вставлялся деревянный снаряд — болванка и орудие заряжалось холостым патроном. В случае тревоги, всякие заботы о пушке отпадали, стоило только произвести очистительный выстрел и орудие было готово принять боевой патрон, ибо вылетающая болванка прочищала канал от могущего быть в нём льда, разрывала парусиновый дульный чехол и пушка была в исправности, - опыты дали самые хорошие результаты. Потом было обращено особенное внимание на исправление непроницаемости воды через резиновые прокладки люков, иллюминаторов и их боевых крышек, чтобы избежать повторения участи зря погибшего Михайловского.

Произведя пополнение топлива, смазочных и съестных припасов, отряд продолжал стоять в полной боевой готовности, не имея никаких ещё директив для своего действия.

В порту шло усиленное оживление, спешно готовилась к действию партия минного заграждения, которое выставлялось по мере

возможности ото льда по указаниям соединённых штабов, так как крепостная минная рота также выставляла заграждения для запираения входа в Босфор.

Начались работы по постройке боковых заграждений для закрытия внутреннего рейда от возможной минной атаки, одним словом по приведению всего мобилизационного плана, выработанного ещё в мирное время — в исполнение.

Наш набег на японский берег не остался без ответного визита.

Через несколько времени было получено извещение, что в море усмотрена неприятельская эскадра в большом количестве вымпелов, идущая на большом расстоянии от берега, располагающая курсами ведущими параллельно береговой черты. На эскадре взвился сигнал приготовиться к походу, повалил дым из труб, срочно поднимались на крейсерах пары для выхода в море.

По возвращении из первого похода наше якорное место было против Эгершельда, так как сама бухта Золотого Рога была забита льдом и не было смысла ломаться об лёд для входа в неё. Каждые ¼ часа мы получали телеграфные сведения о движении неприятельского флота с острова Скрыплёва, где находился наш сторожевой пост. Пары давно были готовы, но мы не торопились выходить в море. Какие к тому были причины у Командующего отрядом капитана 1-го ранга Рейценштейна нам доподлинно известны не были. Не желал ли он обнаружить неприятелю наше присутствие во Владивостоке или считал слишком большое неравенство сил и нашу слабость не рисковал выходом в море даже под прикрытием своих сухопутных батарей на Русском острове.

После порядочно протекшего промежутка времени, отряд наконец снялся с якорей и вышел в море, но присутствия неприятеля уже нигде не было видно. Повертевшись под Владивостоком мы вернулись к заходу солнца обратно на рейд.

Таким смехотворным выходом молодёжь была страшно недовольна, а когда из реляции Командующего Наместника, нам стало известно, что при появлении неприятеля под Владивостоком, как доносил Командующий, он с крейсерами сейчас же вышел в море, но отыскать неприятеля уже не мог, мы страшно все были возмущены, да и вообще наш новый Командующий не пользовался ни у кого симпатией, а по образу своих действий имел громадную привязанность к владивостокским бочкам и предпочитал тихое и мирное препровождение времени в Московском подворье, где ютились семьи и жёны командиров и семейных офицеров, выходам в море на поиски неприятеля или даже борьбы со стихиями.

Бесконечность стоянки во Владивостоке довела офицеров прямо до иступления. Не знаю, достоверно ли было то, о чём ходили разговоры шёпотом: будто офицеры крейсера "России", послали коллективное письмо Начальнику с жалобой на Рейценштейна и с просьбой прислать на отряд нового Адмирала. Но так или иначе, скоро состоялся новый поход под влиянием каких-то причин.

(Продолжение следует)

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА «ПЁТР ВРАНГЕЛЬ»

Придя на Кубань вместе с холодом, дождями и утренними заморозками, октябрь принёс Первой дивизии тяжкую утрату: в Екатеринодаре скончался от тифа полковник Баумгартен. Пётр Николаевич хотел сделать новым начальником штаба генерала Дрейера, но Деникин воспротивился: по его мнению, последний был замешан в каких-то неблагоприятных деяниях. Дрейер потребовал над собой суда и был оправдан, но в Добармию его так и не приняли.

Большевики, посадив пехоту на подводы, отходили быстро и в порядке; к вечеру первого октября части Конной дивизии достигли станицы Чамлыкской и Синюхинских хуторов, пройдя за день сорок вёрст.

- Вы пытаетесь бить растопыренными пальцами, - показывал Врангель на карте офицерам штаба. - Пять полков и Черкесский конный гонятся за красными по разным дорогам и не догонят даже арьергард, а лучше бы вот так - собрать их в одну группу и - удар сюда, на Урупскую!

Второго октября штабы частей получили приказ по дивизии: наступать на станицу Урупскую через Синюхинские хутора. В авангарде шли 1-й Запорожский и 1-й Уманский полки под командой Топоркова, главные силы - корниловцы и черкесы подъесаула Безладного, готовились выйти из станицы на рассвете. Над крышами домов ещё вспухала за кисеёй облаков поздняя осенняя заря, когда Корниловский полк тихим шагом проходил Константиновскую.

Пётр Николаевич, поговорив со стариками, спорившими, кто из них теперь будет станичным атаманом, отослал с ординарцем князем Оболенским на почту несколько телеграмм и, выйдя из правления, широкими шагами направился к машине, уже ждавшей его с заведённым мотором.

Бывший столичный житель, он любил прогресс. После этой войны кони начнут сменяться авто - французы на Марне, на парижских такси даже солдат возили, перебрасывая резервы. Мощные грузовые камионы, которые во время войны планировал делать Рябушинский, будут не только таскать орудия - лёгкие пушки можно ставить и на них. Сикорский и Шидловский создали колёсно-гусеничные машины, которым не страшны никакая грязь, никакие сугробы. Да и мобильность великая вещь - отряды на машинах и мотоциклах в считанные минуты могут оказаться у врага на фланге или в тылу!

Об этом он думал, когда машина гремела по мосту через Синюху, мчалась меж бурых, уснувших до весны полей ассирийской Урмии, поскрипывала на неровностях старыми рессорами.

В Константиновской Врангель с семьёй жил у казака Лелёхина, чьи дети, Иван и Василий, были зачислены в конвой барона. Станица приняла Петра Николаевича в казаки и наградила земельным наделом в шесть десятин. Семья Ивана Филипповича Лелёхина состояла из семи человек - самого хозяина с женой, двух не-

весток, внуки и троих сыновей. Василий Лелёхин арестовал красного комиссара Льва Розенберга на станции Нагут и препроводил во Владикавказ, где его после допросов расстреляли.

Красные отступали, и Врангель, опытный военный, в какой-то момент непростительно расслабился: противник бежит, кругом - станицы с благодарственными молебнами, выступления перед стариками в правлениях, атаманы с хлебом-солью, водочкой, жареными поросятами и сомами...

До последнего дня он распылял полки, во время похода оставался в станицах и, командуя конницей, разъезжал в автомобиле. Подобное прощали красные отступления, но долго это продолжаться не могло...

И не продолжилось. В Синюхинских хуторах он застал корниловцев и черкесов, устроивших привал на западной окраине - на открытом выгоне разложивших костры и пивших чай. Казак прямо в машину передал донесение Топоркова: «Веду бой в шести верстах, противник прикрывает переправу».

Дорога из хутора шла в гору, выдавший виды мотор «форда» натужно взывал на подъём. Затем машину закачало и затрясло - поехали поперёк вспаханного поля. Врангель держался за спинку переднего сиденья, чтобы не удариться макушкой о крышу кабины. Стали, машина развернулась у повозок обоза, и он поспешил наружу - укачало от тряски.

Было солнечно, но холодно и ветрено, и, несомненно этим ветром, уходили в сторону Урупанебольшие фигурные облачка, похожие - одно на птицу с разинутым клювом, второе - на лицо в профиль, с расстрепанной бородой. Врангель, гадая - на кого из знакомых оно похоже? - большими шагами шёл по прихваченной ночным заморозком пашне, по хрустящей бурой стерне. Внизу, в тени кургана, без шинели было свежо; слегка мёрзли руки и шея.

Полковник Топорков со штабом устроил на кургане артиллерийский наблюдательный пункт, расположив неподалёку два горных орудия. За скирдами соломы, с конями в поводу, пригрелось на редком осеннем солнышке прикрытие Запорожского полка. Вдали кипела, разворачиваясь, лава всадников. Пётр Николаевич прошёл к орудиям. Топорков, увидя генерал-майора, спустился с жёлтого от солнца кургана в широкую серую тень. Пётр Николаевич отметил, что полковник, забайкальский казак, издали похож на Корнилова, такие же висячие усы, полуазиатское лицо, только более округлое.

Топорков отдал честь, протянул Врангелю полевой бинокль. - Ваше Превосходительство, цепь противника за полторы тысячи шагов... Шальные пули долетают.

- Странно, - сказал один из артиллерийских офицеров, глядевших в бинокль. - Почему наша лава возвращается?

Остальные также завязались осли.

- Да, странно, - подтвердил Топорков, - переходят на рысь. Он подкручивал резкость своего «цейса».

- Шашки поблёскивают.

- Господа, да это же вовсе не наши...

- Красные! Конница!

- Беглый огонь!

Но стрелять орудиями было нельзя - запорожская лава отступала к батарее и была вся на линии огня, а когда свои всадники проскакали в тыл - уже и поздно было. «На задки!» - что было силы кричал командир батареи, к которому подсакивали два красных конника. Он выстрелил в одного из них, второй с размаху ударил его шашкой.

Топорков взлетел в седло, развернулся к налетавшей группе всадников. Красные явно не были опытными кавалеристами - сидели охлюпкой, по-мужицки, шашками махали неуклюже. Сергей Михайлович своим клинком легко отвёл падающие на него шашки, одного рубанул по правому плечу, второго - в голову, первый начал падать из седла, второй шарахнулся прочь - лошадь споткнулась на борозде, красный упал вместе с ней. Третьему Топорков ударом плашмя «отсушил» руку, клинок, сверкая, закувыркался в пахоту. Срезал красному левое ухо, хотел срезать второе - тот с нутряным воем схватился за голову, и полковник больше не стал рубить его. Развернул коня и, пригнувшись к холке, наёмом погнав меж двух орудий, на которых суматошно и неумело убивали прислугу, будто, очень торопясь, кололи дрова.

Врангель, когда красные скопом появились из балки, схватился за кобуру, та лишь согнулась и промялась под пальцами - была пуста. «Я же револьвер подарил Шавгенову!» - печным угольём обожгла мысль. В это время успело дважды ударить картечью одно орудие, рассеяв всадников перед собой.

На минуту перед бароном нападавшие исцезли, но с обоих флангов продолжали скакать, захлёстывая их - слева стремясь рубить прикорнувшее на солнышке запорожское прикрытие, справа - захватить пушки. Ощущая, что у него только эта минута и есть, Пётр Николаевич бросился бежать к своей машине.

Шофёр, увидя тревогу, с места воткнул третью передачу, «форд» рванулся вперёд, упёрся колёсами в большие замёрзшие комья пашни и горячее в цилиндрах старенького мотора детонировало от нагрузки. Шофёр, услышав взрыв под радиатором, выскочил из кабины, и, растопырив, как летучая мышь крылья, полы своего кожаного реглана, задал стрекача вслед за несущимися наёмом казаками. Врангель добежал до машины.

«Жестяная Лиззи» беспомощно стояла с распахнутой дверцей, изпод радиатора валил дым. Далеко впереди чёрным нетопырём мелькал, прыгая через борозды, шофёр. Пока спасало то, что красные, неумелые конники, на пашне скакали лишь рысью, их лошади спотыкались в бороздах. И он побежал так, как не бегал много лет, с тех пор, как вырос, к зарослям жухлой, необранной кукурузы, думая только: не подвернуть бы щиколотку! Не упасть бы! Помогите, Николае, великий чудотворче!

Перед мысленным взором

мгновенной кинолентой проматывалась его жизнь - детство, Иркутск, гвардия, война - удивительно, успел он осознать, всё записывается, как на плёнку.

Скрипя плохо смазанным передним левым колесом, его обгоняла лазаретная линейка с тентом, раздувшимся от ветра, как пузырь. Сестра милосердия на козлах стегала коней вожжами, что-то умоляюще кричала. Пётр Николаевич, собрав все силы, догнал повозку, перебрал тело через задний борт, неловко упал боком на чьи-то ноги - лежавший человек застонал. Подтянулся дальше, сел, опираясь на локоть.

По лицу горячими ручьями тёк пот, сердце готово было захлебнуться, он не мог дышать. В проёме тента позади ему виднелась, сквозь тряску на ухабах, артиллерийская запряжка с нелепо прыгающим за конями горным орудием. «На низкую ось забыли поставить, сейчас перевернётся!» - прилетела мгновенная мысль, и в этот момент пушка действительно перевернулась, затормозившую упряжку окружили конные фигурки, замельтешили клинками.

- Сестра, ради Бога, гоните быстрее! - хрипло закричал барон в узенькую спину возницы.

- Выручай, родненькие! - тонко закричала та, взмахивая вожжами, и уже совсем по-ямщицки добавила: - гра-а-бя-ат!

Дорога круто пошла на подъём, беспомощный сосед Врангеля стал сползать, и пришлось держать его, упираясь ногами.

- Ваше Пре...-силится сказать раненый офицер, - Ваше Прево... Если нас догонят - застрелите сперва меня...

- Только если одолжите свой, - мрачно ответил Пётр Николаевич. - Я безоружен. Но, кажется, они отстают. Мы уже на гребне, а дальше - дивизия.

- Ах, слава Богу, - раненый с трудом крестился. - Сестра, придержите коней. Я слезу. Он выбрался из линейки и пошёл за ней на плохо слушающихся, будто пробковых, ногах, достав платок из кармана и утирая мокрое лицо, то и дело оборачиваясь, глядя на равнину, где утихла короткая ярость набега, маленькие конные фигурки утекали к Урупу, увозя два орудия запорожцев. По склону поднимались колоннами корниловцы и черкесы, мимо них, едва не задевая, громыхали в тыл артиллерийские уносы без пушек, патронные и санитарные двуколки, зарядные ящики.

Безладнов, видя Врангеля пешком, хлестнул коня, обогнал строй. - Ваше превосходительство? Что случилось? - Бригаде спешно идти вперёд... Видите, отступление. Красные контратаковали, взяли два орудия.

Петру Николаевичу даже смотреть на людей не хотелось. Будто сглазил кто-то. Погибла батарея. Казаки нестойки. Командовать не получается... Когда бригада Мурзаева вернула плато и курган, стали видны трупы офицеров и солдат, зарубленных на батарее и догола раздетых.

Антон ВАСИЛЬЕВ